

До и после Лапшина

Четыре монолога актера Андрея Болтнева

Феномен Андрея Болтнева. Его можно выразить словами одного из сценических героев актера: пришел, увидел, победил. Но когда Болтнев пришел и победил, ему было уже больше сорока...

— Фильм «Мой друг Иван Лапшин» был снят в 1982 году и сразу лег на полку. Режиссера Алексея Германа обвинили в клевете на время и объявили ему строгий выговор. Эту ошеломляющую весть я узнал, уже вернувшись в Новосибирск, и, конечно, пережил состояние шока. Наверное, эта потеря ощущалась мной острее, чем моими товарищами. Ведь Лапшин был не только прекрасным материалом для меня как актера, но и первой ролью в кино. И предстояло прожить с ощущением этой потери долгих четыре года, выходить вечером на сцену, и все это время Лапшин неразрывно был рядом.

А началось все с фотографии. Второй режиссер картины Виктор Арестов приехал в Новосибирск и увидел мою фотографию в фойе театра «Красный факел», где я работал. Когда снимался фильм, камертоном органичности для актеров были фотографии довоенных лет. У Германа их хранилось бесчисленное множество, и мы часами разглядывали нечеткие, пожелтевшие снимки, чтобы ощутить время, в котором нам предстояло прожить.

Когда фильм «Мой друг Иван Лапшин» вышел на экран, я вспоминаю, как нас поразило лицо Болтнева. Лицо из довоенных кинохроник. И уж в совершенную растерянность мы пришли от той достоверности, с какой Болтнев существовал в образе, даже усомнились: да актер ли играет этого удивительно живого и совсем некиношного начальника уголовного розыска?

Очевидным было и другое: роль Ивана Лапшина для Болтнева — точное попадание в «свою» тему. В ней звучала поэзия романтиков поколения 20—30-х годов, их непоколебимая вера в революционные идеалы, ради которых они делали свою трудную, «ассенизаторскую» работу — очищали землю от скверны, оставаясь при этом людьми добрыми и чуть-чуть наивными. Позже Герман так определит суть Лапшина: человек странной чистоты, поэтому и сыграть его мог актер с обликом человека, каких сегодня почти нет, — наивного и простодушного.

После встречи с Лапшиным мы вдруг затосковали о том беспощадно суровом и возвышенном времени, которое смотрело на нас с пожелтевшей киноплёнки и выцветших фотографий, остро ощутили, как нам не хватало его детской восторженности и увлеченности коллективизмом. Едва ли не в каждом из нас обнаружилась ностальгия по таким людям, как Лапшин. И мы стали ждать продолжения...

— Я тоже ждал. Ждал равнозначного сценария и роли, которая несла бы в себе такой же заряд эмоционального воздействия. Я читал сценарии, в которых мой герой обязательно ходил в кожаном пальто, стрелял, был подстрижен под полубокс, но ни один из них не дотягивал до Лапшина хотя бы наполовину. Я понимал, что стал заложником у самого себя. От многих предложений отказался, но когда Семен Аранович пригласил

поработать у него в «Торпедносцах», дал согласие, хотя и здесь ставка делалась на внешнюю фактуру. Кстати, в этом фильме зрители и увидели меня впервые.

Я предполагал, конечно, что закрепившийся стереотип может помешать мне выразиться в каких-то иных ипостасях и стал сознательно его разрушать. Первый шаг к этому был сделан в телевизионном фильме «Противостояние», где я сыграл мерзавца и преступника Кротова — образ полярный Лапшину; объединяло их лишь то, что оба одинаково истово верят в свою правоту, только один служит добру, а другой — злу.

Болтнев уже сетовал на судьбу, по милости которой мемурами не вылезал из галфеи и сапог (а так хотелось босиком побродить по траве), когда судьба же, со свойственной ей иронией, предложила «примерить» плащ римского императора.

Актер к тому времени был принят в труппу Театра имени Вл. Маяковского и репетировал роль директора школы, в недавнем прошлом командира эскадрона, в спектакле «Завтра была война». На прогоне его увидел режиссер Юрий Иоффе, который собирался ставить на малой сцене пьесу «Игра теней» Юлиу Эдлса и искал актера на роль Цезаря.

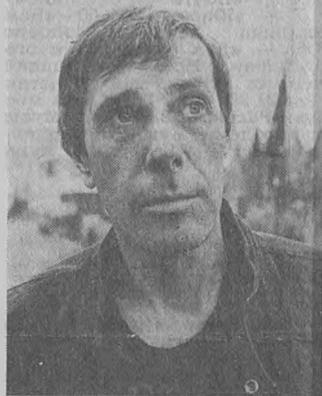
«Андрей запомнился какой-то необычно жесткой мужской искренностью, неподдельностью чувств, — рассказывал мне Юрий Владимирович. — Когда я прочитал пьесу «Игра теней», роль Цезаря показалась схематичной и слащавой, и мне пришла мысль соединить Цезаря — человека разума, аналитика и Андрея, сделав акцент на таких качествах, как ранимость, доброта, нежность».

Назначение Болтнева на роль Цезаря было воспринято в театре как парадокс. Неотесанный мужлан в гимнастерке, и вдруг представитель патрицианского рода, блестящий политик и монарх Гай Юлий Цезарь. Никто еще в театре не знал, что Болтнев другой. Оказалось, Андрей влюблен в звездное небо, сам сделал телескоп и готов ночи напролет созерцать далекие светила. Что Болтнев умеет носить не только гимнастерку, но и смокинг, чувствуя себя в нем так непринужденно, словно никогда и не снимал. И что его нельзя бывает узнать — такой добротой он начинает светиться, когда рядом с ним появляется его дочка или звонит из Туапсе мама. Что он может быть жестким, взрывным, когда чувствует фальш, способен отказаться от роли.

— Есть роли, которые прочитываешь сразу, с листа, а есть другие, к ним не знаешь, как подбираться. Они загадочны, словно звезды, поэтому я люблю их больше. Такой и Цезарь. В сотый раз будешь выходить на сцену и в сотый — открывать его. То одну деталь найдешь, то другую. Когда-то я так же вот подбирался к роли секретаря парткома в пьесе Гельмана «Премия». Намучился изрядно, пока кожей не почувствовал этого человека, сформировавшегося под лозунги, многие из которых на поверку оказались ложными.

Работал я тогда в одном из театров на Дальнем Востоке. На-

игрался там, что называется, вволю. Были в моем репертуаре и физики, и лирики, и трагедии, и военные. Не говоря уже о том, что повидал этот суровый край во все времена года, забирался в самые глухие уголки, прикипел к людям, которые там живут. И вряд ли бы расстался с ним, если бы не материальные трудности. Зарплата у актера и сейчас невелика, а тогда и вовсе едва хватало, чтобы хоть как-то существовать. А поедешь в отпуск, на одни билеты и дорожные расходы столько потратишь, что потом несколько месяцев из доходов не вылезашь. Перебрался я из Уссурийска в Майкоп, поближе к родителям. Но в местном театре не прижился, решил тогда вернуться в Краснодар, где когда-то начинал монтировкой сцены. Там же сыграл и первую роль со словами — это был бармен из спектакля «Уступи место завтрашнему дню».

Родители мои не хотели, чтобы я стал актером, мол, не мужская профессия. Я же из кулис, где проводил большую часть времени, видел, как эта немужская профессия достается кровью и потом. Поступил в Ярославское театральное училище (позже его оставил и уже в возрасте сорока лет окончил Ташкентский театральный институт).

Но в Краснодар мы все-таки с женой не попали, она предложила показаться в Новосибирском драматическом театре «Красный факел». Так неожиданно я оказался в Новосибирске, где проработал семь лет до того дня, когда Андрей Александрович Гончаров пригласил меня в свой театр.

В то утро я была на репетиции пьесы Виталия Павлова «Подземный переход», где Андрей Николаевич играл одну из главных ролей. Шел застойный период, репетировалась одна из основных сцен второго акта. Реплика Болтнева: «А вот москвич сказал, осушим туманы! Пальмы посадим, рай тут будет, сушь! Пустыня! И мать наша вернется...». Я вздрогнула: кто это? Лапшин конца двадцатого столетия? Почти та же мечта. Помните: «Вычистим землю, посадим сад. И еще сами успеем погулять в том саду!». Но мечта Злобина — героя, которого играет Андрей Болтнев, оказалась иной — не социаль-тельной, утопической...

Строитель Злобин, как и его сверстники — люди из палаток, которые поднимали БАМ, осваивали Нечерномозье, вдоволь поездил за туманами, а когда они рассеялись, выяснилось, что все тщетно, ориентиры ложные

и жизнь не состоялась, а дружкой не будет. В такой ситуации одни растерялись, другие отчаялись. Потом выросли дети, но и детям своим они не посмели признаться, что не реализовали себя, что идеал был мифическим. Сам Андрей Болтнев тоже достаточно погонялся за туманами и не раз обнаружил за ними пустоту. Он ведь сам из поколения сорокалетних. Но его судьба в конце концов повернула к удаче.

Болтнев загружен в театре — репетирует параллельно с ролью Злобина наркома в остроциальной пьесе «Десятый круг», продолжает много работать в кино. Снялся в роли ученого Будаха в советско-западногерманском фильме «Трудно быть богом», в фантастической ленте «Тринадцатый апостол» по произведениям Рэя Брэдбери и Кира Булычева на Свердловской киностудии. Недавно зрители увидели Андрея Болтнева в роли полковника жандармерии в телефильме «Жизнь Клима Самгина». Работа, небольшая по экранному времени, значительна и интересна. Перед нами оборотень, хитрый, умный, прячущий под мундиром рясу инквизитора. Вот он либерал, позволяющий себе щелкнуть по носу самого царя, хотя это всего лишь его скульптурное изображение, а через минуту — ортодокс, палач.

— Иногда проснусь и подумаю, а вдруг больше не принесут ни одного сценария, перестанет звонить телефон, не пригласят ни в один фильм, не назначат на роль в спектакле — становится до жути пусто. Актеру нельзя надолго исчезать, иначе о нем забудут. Это я пытаюсь ответить на вопрос, почему уже не жду еще одного Лапшина и снимаюсь, снимаюсь в лентах, которые на несколько порядков уступают фильму Германа. Мои взаимоотношения с кинематографом не просты и не всегда складываются так, как хотелось бы. Я смотрю на них без особой тревоги, скорее философски. Зачастую они несут для меня экспериментаторский характер, потому что через какие-то работы я пытаюсь реализовать то, что не использовал, проявить себя с какой-то неожиданной стороны.

В общении я человек нелегкий, всегда как бы в двух крайностях пребываю: вокруг меня шумно, много людей — и я открыт, доверчив, то вдруг замыкаюсь в себе, надолго остаюсь один. Этот период для меня самый плодотворный. Успеваю много прочитать, посмотреть, в общем накапливаю то, что потом пригодится на сцене, в кино.

Еще Андрей Болтнев очень любит ходить в театр пешком. И это не просто прогулки, а тоже работа. Говорят, когда одного писателя спросили, сколько времени он потратил на такой-то рассказ, он ответил, что на него ушли ровно две с половиной прогулки. Болтнев же от общедоступа до театра и обратно успевае найти решение, например, трудной сцены или целиком роли. И часто, придя на репетицию к Иоффе, бросает уже с порога: «Можешь брать ту сцену, я сегодня ходил пешком».

Р. ВАЛИТОВА.

Фото В. КИСЕЛЕВА.